

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В работе рассмотрены проблемы межкультурной коммуникации на примере особенностей проникновения заимствований в лексическую систему языка-реципиента. Приведены доказательства универсальности процесса взаимодействия языковых элементов, законов их адаптации и ассимиляции.

Ключевые слова: заимствования, универсальное явление, лингвистика, глобализация.

In the article the problems of intercultural communication based on the peculiarities of borrowings' introduction into the vocabulary of a language-recepient are analyzed. The proofs of the language elements interaction being a universal process, alongside with the laws of their adaptation and assimilation, are layed out.

Key words: borrowings, a universal phenomenon, linguistics, globalisation.

Одной из характерных черт развития цивилизации является, с одной стороны, тенденция к сближению социумов (глобализация экономическая и социальная), а с другой — осознание и культивирование собственной (национальной, этнической, региональной) идентичности, своеобразия которой в наибольшей степени становится очевидным на фоне взаимодействия с чужими культурами. Особую остроту приобретают проблемы межкультурной коммуникации, в рамках которой рассматриваются контакты носителей различных культур и языков, где язык выступает в роли главного признака идентичности. Сколько бы ни был язык самобытен и закрыт, в условиях межкультурной коммуникации он подвергается постоянному изменению, и в первую очередь это касается лексической сферы языка, непосредственно связанной с отображением в языке внутреннего и внешнего мира человека. В условиях тесного общения между народами происходит обмен продуктами трудовой деятельности, новы-

ми технологиями, идеями и т. д. Язык же, в свою очередь, заимствует слова для наименования материальных объектов.

Язык, которым активно и повседневно пользуется общество как средством общения, живет и развивается. Диахронно это обнаруживается через замену одних языковых знаков другими (устаревающие заменяются новыми), синхронно — через борьбу вариантов, сосуществующих и претендующих на нормативность. Лексика является “барометром” общественных изменений и пристрастий членов языкового коллектива [Дакохова, 1998]. Невозможно устранить влияние на язык социального, “человеческого” фактора. Структурная организация языка — эта материализация социального, и язык — это материализованное единство социального и структурного.

Лексическая система языка является самой открытой для инноваций по сравнению с фонетической, грамматической, синтаксической системами. Именно в лексике сосредоточивается представление той или иной культурной общности об окружающем мире, действительности. Новые явления на лексическом уровне, обусловленные влиянием чужой культуры и другого языка, принято обозначать термином “заимствование”.

Исследователи по-разному рассматривают лингвистическое заимствование. С точки зрения структурной лингвистики заимствование представляет собой воспроизведение моделей одного языка в другом, причем характер этого воспроизведения может быть различным на разных уровнях языка. Л. Блумфилд под заимствованием понимает определенный вид языковых изменений и различает три вида заимствований с точки зрения их кодификации: 1) заимствование понятий культуры; 2) “внутреннее” заимствование как результат непосредственных языковых контактов; 3) диалектные заимствования, проникающие в литературный язык из диалектов [Блумфилд, 1969].

Термин “заимствование” используется для обозначения процесса и результата этого процесса. Двувидовая природа русского глагола заимствовать определяет различное употребление термина “заимствование”: 1) факт имплантации, т. е. собственно попадания иноязычной единицы в язык; 2) процесс адаптации или усвоения в языке; 3) результат процесса усвоения как заверченный комплекс указанных ступеней; 4) комплекс всех стадий. Заимствование является процессом, во время которого происходит постепенное продвижение от разовых, окказиональных использований данного заимствования, по пути его постепенного освоения средствами языковой системы и, в

конце концов, включения его как полноправного элемента в систему языка-рецептора.

Несмотря на существование большого количества классификаций заимствованных слов, в современной лексикологии отсутствует единая общепризнанная типология заимствований. Традиционно заимствованная лексика дифференцируется на основании следующих принципов. По этимологическому принципу (возможность или невозможность точного установления времени и источника заимствования, с одной стороны, и ареал бытования слова в лексике современных языков — с другой) все заимствованные слова относятся к двум группам: собственно иноязыковые заимствования и интернациональная лексика [Кузнецова 1989, 144]. По времени заимствования собственно иноязычная лексика может быть также дифференцирована на первичные заимствования и вторичные заимствования, на что указывает [Л. П. Крысин, 2002].

При рассмотрении причин лексических заимствований из одного языка в другой принимается во внимание социолингвистический аспект языка. Это, прежде всего, изучение языкового развития в окружающей среде, во взаимодействии внутренних (языковых) и неязыковых (социальных) причин. Процесс лексического заимствования обусловлен целым комплексом причин, в котором переплетены причины языковые, психологические, социальные, логические и т. п.

Заимствование слов — естественный и необходимый процесс языкового развития. Лексическое заимствование обогащает язык и обычно нисколько не вредит его самобытности, так как при этом сохраняется основной свой словарь, а кроме того, неизменным остается присущий языку грамматический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития. Причин, вызывающих этот процесс, может быть очень много: военно-политическая зависимость, интенсивные языковые контакты, связанные с переселением или географическим соседством; распространение религии и культуры или высокий уровень технической цивилизации, присущий другой языковой общности; продолжительная целенаправленная языковая политика одного региона по отношению к другому. Как правило, в процессе воздействия одной языковой общности на другую наблюдается взаимодействие нескольких из названных факторов. Но самым важным побудительным мотивом, приводящим к появлению заимствований, является осознание заимствующей стороной того факта, что другой язык может привнести ценности, достижение или стиль

жизни, которые вызывают признание. Короче говоря, другая языковая общность воспринимается как более прогрессивная.

Объектом заимствования, прежде всего, становятся отдельные слова, в особенности те, которыми обозначаются предметы материальной культуры. Заимствование является одним из способов обогащения словарного запаса, функционирующим наряду с использованием внутренних резервов языка: словосложения, аффиксации, развития значений существующих слов.

Круг объектов заимствования не ограничивается лексическими единицами: любой лингвистический материал может быть заимствован при наличии благоприятных условий. Заимствованию подвергается в первую очередь лексический материал (существительные, глаголы, прилагательные и т. д.), однако заимствование, хотя оно в этом случае и более затруднено, касается и нелексического материала: букв, звуков, фонетических правил, грамматических единиц, способов построения синтаксических структур, семантических ассоциаций, дискурсивных стратегий, междометий и т. д.

Какие элементы языка заимствуются? Главным образом заимствуются, конечно, “номинативные”, назывные единицы, и больше всего существительные. Заимствование служебных слов имеет место лишь изредка. В составе знаменательных слов заимствуются корни и могут заимствоваться аффиксы — словообразовательные и редко формообразовательные, причем при благоприятных условиях такие заимствованные аффиксы могут получить продуктивность. Так, многие греческие и латинские словообразовательные аффиксы стали очень продуктивными во многих языках. При контактах между близкородственными языками заимствуются порой и формообразовательные аффиксы. Так, например, русский литературный язык использует в системе причастий суффиксы церковнославянского происхождения.

Устойчивые словосочетания материально заимствуются реже; ср., *тет-а-тет* из фр. *tete-a-tete* ‘с глазу на глаз’ (букв. ‘голова к голове’) или *сальто-мортале* из итал. *salto mortale* ‘смертельный прыжок’ и некоторые другие. Однако устойчивые сочетания, пословицы и т. п. часто калькируются, буквально переводятся “своими словами”. Ср.: др. — греч. *typhlos ho eros* = русск. *любовь слепая*; лат. *divide et impera* = русск. *разделяй и властвуй*; фр. *le jeu ne vaut pas la chandelle* = русск. *игра не стоит свеч*; нем. *aufs Haupt schlagen* = русск. *разбить наголову*.

Среди заимствованной лексики выделяется особый класс так называемых интернационализмов, т. е. слов и строительных элементов

словаря, получивших (в соответствующих национальных вариантах) распространение во многих языках мира. Ср., например, русск. *революция*, фр. *revolution*, нем. *Revolution*, англ. *reuolution*, исп. *revolucion*, итал. *rivoluzione*, польск. *rewolucja*, чешск. *revoluce*, сербскохорватск. *револуција*, литовск. *reuoliucija*, эст. *revolutsiioon* и т. д.

В зависимости от типа контактов попадание иностранного слова из языка-донора в язык-реципиент может происходить различными путями:

- 1) через речевую коммуникацию проживающих по соседству народов;
- 2) дистантные контакты вследствие обмена культурными ценностями, импорта иностранных товаров;
- 3) через книги и переводы.

Общей основой для всех процессов заимствования является взаимодействие между культурами, экономические, политические, культурные и бытовые контакты между народами, говорящими на разных языках. Контакты эти могут носить массовый и длительный характер в условиях совместной жизни на смежных и даже на одной и той же территории либо могут осуществляться лишь через определенные слои общества и даже через отдельных лиц. Они могут носить характер взаимовлияния или одностороннего влияния; иметь мирный характер или выступать в виде противоборства и даже военных столкновений. Существенно, что ни одна культура не развивалась в изоляции, что любая национальная культура есть плод как внутреннего развития, так и сложного взаимодействия с культурами других народов.

Говоря о заимствованиях, различают “материальное заимствование” и “калькирование”. При материальном заимствовании (заимствовании в собственном смысле) перенимается не только значение (либо одно из значений) иноязычной лексической единицы (или морфемы), но и — с той или иной степенью приближения— ее материальный экспонент. Так, слово *спорт* представляет собой в русском языке материальное заимствование из английского: русское слово воспроизводит не только значение английского *sport*, но также его написание и (конечно, лишь приблизительно) звучание. В отличие от этого, при калькировании перенимается лишь значение иноязычной единицы и ее структура (принцип ее организации), но не ее материальный экспонент: происходит как бы копирование иноязычной единицы с помощью своего, незаимствованного материала. Так,

русск. *небоскреб* — словообразовательная калька, воспроизводящая значение и структуру англ. *skyscraper* (ср. *sky* 'небо', *scrape* 'скрести, скоблить' и *-er* — суффикс действующего лица или "действующего предмета"). В словенском языке глагол *brati* наряду с общеславянским значением 'братъ, собирать плоды' имеет еще значение 'читать'. Это второе значение — семантическая калька под влиянием нем. *lesen*, которое (как и лат. *lego*) совмещает значения 'собирать' и 'читать'.

Иногда одна часть слова заимствуется материально, а другая калькируется. Пример такой полукальки — слово *телевидение*, в котором первая часть — интернациональная, по происхождению греческая, а вторая — русский перевод латинского слова *visio* 'видение' или его отражений в современных языках (ср. с тем же значением и укр. *телебачення*, где второй компонент от *бачити* 'видеть').

Среди материальных заимствований нужно различать устные, происходящие "на слух", часто без учета письменного образа слова в языке-источнике, и заимствования из письменных текстов или, во всяком случае, с учетом письменного облика слова. Устные заимствования особенно характерны для более старых исторических эпох — до широкого распространения письма. Более поздние заимствования обычно бывают связаны с более "квалифицированным" освоением чужезычной культуры, идущим через книгу, газету, через сознательное изучение соответствующего языка. Примером устного заимствования может служить болг. *пароход* /paraх'ot/ 'пароход', пришедшее из русского языка еще в XIX в. В этом слове русская соединительная гласная передана соответственно ее живому звучанию, тогда как в других подобных словах, заимствованных болгарским языком в наши дни (*трудоден*, *самокритика* и др.), в согласии с русской орфографией пишется о, которое по-болгарски и читается как /o/.

Заимствование может быть прямым или опосредованным (второй, третьей и т. д. степени), т. е. заимствованием заимствованного слова. Так, в русском языке есть прямые заимствования из немецкого, например *эрзац* 'суррогат, заменитель (обычно плохой)' (нем. *Ersatz* с тем же значением), *рейхстаг*, *бундестаг* и т. д., а есть заимствования через посредство польского языка, например *бляха* (ср. польск. *blacha* с тем же значением и нем. *Blech* 'жесть'), *крахмал* (ср. польск. *krochmal* и нем. *Kraftmehl* с тем же значением), *рынок* (ср. польск. *rynek* 'площадь, рынок' и нем. *Ring* 'кольцо, круг'). В языки народов Балканского полуострова за время турецкого ига вошло много "турцизмов", но значительная часть этих слов в самом турецком языке — заимствования

из арабского или персидского. Есть заимствованные слова с очень долгой и сложной историей, так называемые “странствующие слова”, например *лак*: к нам оно пришло из немецкого или голландского, в эти языки — из итальянского, итальянцы же заимствовали его скорее всего у арабов, к которым оно попало через Иран из Индии (ср. в пали, литературном языке индийского средневековья, *lakha* ‘лак из красной краски и какой-то смолы’). История такого “странствующего слова” воспроизводит историю соответствующей реалии.

Заимствованный материал, попадая в новую лингвистическую ситуацию, претерпевает изменения в соответствии с фонетическим, морфологическим, грамматическим строем языка-реципиента. По степени ассимиляции он делится на три группы:

- 1) полностью ассимилированный;
- 2) частично ассимилированный;
- 3) неассимилированный.

Первую группу можно иллюстрировать в русском языке словами, заимствованными из тюркских языков: очаг, арка, деньги, закат, камыш, курган, корсак, салат, собака, стакан, товарищ, товар, уют, шоры, в английском языке — словами, заимствованными из французского языка: *table, chalk, face, air, matter, money*, латинского языка: *cheese, street, wall, wine*, скандинавских языков: *wind, husband, fellow, date, root, take, want, sky, then, their*. Особенностью этой группы является полная лингвистическая гармония между заимствованными словами и системой языка-реципиента, возникшая в результате фонетической, морфологической и семантической ассимиляции.

Изучая влияние одного языка на другой на фонетическом, морфологическом и концептуальном уровнях, Сепир пришел к выводу, что заимствование слова в язык-реципиент зависит от его соответствия лингвистическому направлению, которое уже существует в системе: звуки могут успешно пройти ассимиляцию лишь при наличии некоторого сходства с фонетической системой заимствующего языка.

Вторая группа включает слова, прошедшие лишь частичную ассимиляцию (*Fremdwörter*). Так, в русском языке слово феномен долгое время произносилось с ударением на втором слоге, однако в последнее десятилетие слово стало произноситься как феномен, т. е. с ударением на третьем слоге, по аналогии с английскими заимствованиями бизнесмен, спортсмен. Последние русские словари дают оба варианта, что отражает борьбу двух форм в промежуточном состоянии слова.

Третья группа охватывает слова, не прошедшие ассимиляцию (Gastwörter): *passé, enfant terrible, en garçon* (французские заимствования в английском языке), *prima donna* (итальянское слово в английском языке). В русском языке эту группу отличает ограниченность употребления таких слов и нахождение их на периферии языка-реципиента, а также, иногда, тенденция к выводу за его пределы: *жюри, канапе, суфле, бэзе, турне*.

Заимствование есть активный процесс: заимствующий язык не пассивно воспринимает чужое слово, а так или иначе переделывает и включает его в сеть своих внутренних системных отношений. Ярче всего активность заимствующего языка выступает в процессах калькирования. Но и при материальном заимствовании она проявляется вполне отчетливо.

Процесс ассимиляции состоит из ряда стадий: введение слова в язык-реципиент билингвом (трансфер), фонетические изменения, адаптация или фонемная субституция, аккомодация, аффиксация, деривация, дальнейшее семантическое его развитие. Вследствие фонетической интерпретации заимствование претерпевает адаптацию или фонемную субституцию на ближайший коренной эквивалент реципиента.

Во-первых, все фонемы в составе экспонента чужого слова заменяются своими фонемами, наиболее близкими по слуховому впечатлению; соответственно закономерностям заимствующего языка изменяются слоговая структура, тип и место ударения и т. д. Ср. русское слово *совет* и заимствованные из русского фр. *soviet* /sovʒjet/, англ. *soviet* /s'ouviet/ или /s'aviet/, нем. *Sowjet* /zio:vjet/ или /zavj'et/: несвойственное французскому и другим языкам русское палатализованное /v/ всюду заменено сочетанием /vj/ или /vi/; поскольку при заимствовании учитывалось написание русского слова, гласный первого слога везде передан буквой о, которая читается по правилам соответствующих языков либо как открытый, либо как закрытый гласный, либо как дифтонг; начальный согласный в немецком произносится как звонкий в соответствии с правилами чтения буквы s. Подобная субституция (подстановка) фонем происходит, разумеется, и при заимствовании на слух (только в этом случае не примешивается влияние письменного облика слова). Так, в русск. *флигель*, заимствованном из немецкого (нем. *Flügel* 'крыло'), вместо немецкого /y:/ имеем /i/, вместо /I/ и /g/ соответственно *IV I* и /g'/. Изменение слоговой структуры при заимствовании ярко обнаруживается, на-

пример, в японской форме нашего слова *комсомол*: по-японски оно звучит как /komusomogu/ с превращением всех слогов в открытые путем добавления /и/ (а также с заменой /л/ на /г/, поскольку японский язык не знает звука /л/).

Во-вторых, заимствуемое слово включается в морфологическую систему заимствующего языка, получая соответствующие грамматические категории. Так, *система*, *панорама* в русском языке женского рода, как это нам представляется естественным для существительных (не обозначающих лиц), оканчивающихся на *-а*, хотя в греческом их прототипы среднего рода; при этом *-а* превратилось в окончание им. п. ед. ч. и заменяется в других формах другими русскими окончаниями, тогда как в греческом оно принадлежало основе (неусеченная основа *systemat-* видна в косвенных падежах, ср. также *систематический*). В иных случаях, напротив, окончание чужого слова воспринимается при заимствовании как часть основы. Так, русск. *рельс*, *кекс* заимствованы из английского (англ. *rail* 'рельс', *cake* 'пирожное, торт' и т. д.), причем заимствованы были формы множественного числа, осмысленные как формы единственного; поэтому английский аффикс множественного числа вошел в состав основы русского слова. То же наблюдаем в слове *бутсы* (из англ. *boot* 'ботинок'), но здесь заимствованное слово было сразу оформлено как множественное число, а формы единственного числа (*бутса* и т. д.) были образованы от множественного. Если заимствуемое существительное оканчивается нетипичным для русского языка образом, оно попадает в разряд неизменяемых по падежам и числам, но синтаксически получает все полагающиеся существительному формы (что проявляется в согласовании: *маршрутное такси, интересного интервью, белому какаду*) и тот или иной грамматический род (чаще всего средний). Заимствованные прилагательные, независимо от того, как они оформлены в языке-источнике, получают в русском языке один из суффиксов прилагательного, обычно *-н-*, и полагающиеся окончания; глаголы тоже получают все глагольные категории вплоть до специфически славянской категории вида (правда, иногда возникает "двувидовость", т. е. омонимия форм совершенного и несовершенного вида, разграничиваемая контекстом, например, у глаголов *линчевать, стартовать*, у многих глаголов на *-ировать*). Естественно, при заимствовании происходит и утрата (вернее, невосприятие) грамматических категорий, чуждых заимствующему языку.

В-третьих, заимствуемое слово включается в систему семантических связей и противопоставлений, наличных в заимствующем языке, входит в то или иное семантическое поле или, в случае многозначности, в несколько полей. Обычно при этом происходит сужение объема значения (ср. англ. *dog* 'собака' и заимствованное русск. *дог* 'короткошерстная крупная собака с тупой мордой и сильными челюстями') или сокращение полисемии: многозначное слово чаще всего заимствуется в одном из своих значений [ср. фр. *depot* 1) 'вклад, взнос', 2) 'подача, предъявление', 3) 'отдача на хранение', 4) 'вещь, отданная на хранение', 5) 'хранилище, склад, депо', 6) 'сборный пункт', 7) 'арестантская при полицейском участке', 8) 'осадок, отложение, нагар' и др. и заимствованное русск. *депо*, сохраняющее, и то лишь частично, пятое значение французского слова]. Кроме того, при заимствовании слово часто утрачивает мотивировку.

После того как заимствованное слово вошло в язык, оно начинает "жить своей жизнью", независимой, как правило, от жизни его прототипа в языке-источнике. Его звуковой облик еще больше приближается к структурам, типичным для данного языка; так, в заимствованных словах русского языка, по мере их более полного освоения ("обрусения"), происходит замена твердых согласных перед гласными соответствующими палатализованными (ср., с одной стороны, "необрусевшие" *декольте, декорум, реквием, секанс, тембр, тент, термы*, с другой — "обрусевшие" *декада, декрет, декан, рейс, сейф, театр, телефон*; особенно поучительны сопоставления слов, содержащих исторически одни и те же морфемы, но произносимых по-разному в зависимости от степени "обрусения": *демос* /d/ — но *демократия* /d'/, *сервис* /s/ — но *сервис* /s'/, *террарий* /t/ — но *территория* /t'/). Заимствованное слово может подвергаться новым грамматическим преобразованиям, устраняющим черты "чуждости" (ср. переход несклоняемых в литературном языке *пальто, жалюзи* и т. д. в просторечии в разряд склоняемых существительных); оно "обрастает" производными, претерпевает семантические изменения наравне с "исконными" словами и может получить совсем новое значение. Так, русск. *стекло*, др. русск. *стъкло* представляет собой старое, еще общеславянское заимствование из готского, где соответствующее слово *stikis* значило 'кубок'; на славянской почве название было перенесено с изделия на материал.

Многие заимствованные слова настолько осваиваются языком, что перестают ощущаться как чужие, а их иноязычное происхождение

ние может быть вскрыто только этимологическим анализом. Так, в русском языке совершенно не ощущаются как заимствованные слова *корабль, кровать, тетрадь, фонарь, грамота* (пришли из греческого); *очаг, кабан, казна, кирпич, товар, утюг, карандаш* (из тюркских языков); *лесть, князь, холм, хлеб, хижина, художник* (старые заимствования из германских языков, в двух последних прибавлены русские суффиксы).

Еще более удалены от языка-источника слова, возникшие путем калькирования — поморфемного перевода чужого слова-модели: французское слово *influence* послужило основой для появления кальки *влияние* (*in-flu-ence* > *в-ли-яни-е*), фразеологического сочетания *иметь влияние* (ср. фр. *avoir de {influence}*) и старого медицинского термина *инфлюэнца* (острый катар дыхательных путей, через итальянскую форму *influenza*). Калька — слово или выражение, построенное по образцу слова или выражения другого языка, например: *насекомое* (ср. лат. *in-sect-um*), *небоскреб* (ср. англ. *sky-scra-per*), *вольнодумец* (ср. фр. *ibre penseur*).

Обогащение словарного состава языка — процесс длительный. Он начинается с образования нового слова или значения уже существующего слова. Постепенно новые слова, как и старые, становятся многозначными, между значениями устанавливается постоянная семантическая связь или происходит забвение внутренней формы и образование новых корней и основ. В ходе исторического развития языка заимствованные слова, как и слова, созданные на базе исконных корней и аффиксов, утрачивают словообразовательную мотивированность и выступают как чистые корни. В современном русском языке не осознается заимствованная природа таких, например, слов, как *оладья, лошадь, риск* (ср. *писк, пищать*, но *рисковать*). Не членятся на словообразовательные элементы такие слова, как *заноза* и *одеть*.

При рассмотрении судеб заимствованной лексики немаловажным является вопрос о том, какова общественная оценка заимствований и интернационализмов. У разных народов в разные периоды истории и в разных социальных слоях эта оценка была неодинаковой. В определенных случаях со стороны некоторых общественных групп наблюдалось особое пристрастие ко всему иностранному, мода на иностранные слова, связанная иногда с интенсивным заимствованием достижений более передовой культуры, иногда же — со стремлением верхушки общества отгородиться от “простонародья”. В зависимости от конкретных исторических условий обильное заимствование

иноязычных слов могло быть прогрессивным явлением (например, в России при Петре I) либо, напротив, явлением реакционным (например, в России времен Грибоедова, справедливо высмеивавшего “смешенье языков французского с нижегородским”). Чаще в истории наблюдалось другое явление, так называемый пуризм (от лат. *purus* ‘чистый’) — сознательное противодействие проникновению иноязычных слов, стремление очистить язык от “иностранщины”. Пуризм тоже может быть разным по своему общественно-политическому содержанию.

В принципе оправдан пуризм народов, отстаивающих свою политическую или культурную самостоятельность и противодействующих насильственной ассимиляции. Такого рода пуризм сыграл на определенном этапе положительную роль, например, в истории исландского или в истории чешского народа, хотя имел и обратную сторону, так как в дальнейшем создал для носителей этих языков добавочные трудности при изучении языков других народов. Вот некоторые примеры из современного исландского языка: ‘фотография’ по-исландски *mynd* (букв. ‘форма, образ, картина’), ‘фотографировать’ — *mynda* (‘изображать’), ‘партия (политическая)’ — *flokkur* (букв. ‘отряд, толпа, племя’); во всех этих случаях старым, издавна существовавшим словам были приданы новые значения — отказ от введения в язык интернационального слова компенсировался углублением полисемии. В других случаях создавались сложные слова, например *heimspeki* ‘философия’ (*heimur* ‘вселенная’ + *speki* ‘мудрость’), *efnishyggia* ‘материализм’ (*efni* ‘материя, вещество’ + *hyggia* ‘мнение, взгляд’); широко использовались исконные германские аффиксы, например *-il* в *hreyfill* ‘мотор’ (от *hreyfa* ‘двигать’, букв. ‘двигатель’), *gerill* ‘микроб’ (от *gera* ‘делать’).

Говоря о народах, которые не подвергаются опасности насильственной ассимиляции, нужно сделать различие между умеренным и крайним пуризмом.

Умеренно-пуристические установки в известных пределах целесообразны. Их нужно принять для научно-популярной литературы, для газеты, телевидения и радио, вообще в тех случаях, когда широкое использование иностранных слов могло бы нанести ущерб понятности печатного текста или устной речи.

Крайний пуризм, т. е. борьба против любого иностранного слова только потому, что оно иностранное, должен быть расценен как реакционное и вредное течение в языковой политике. К тому же он и

бесперспективен: в конечном итоге усилия крайних пуристов оказываются напрасными. Контакты между народами неизбежно ведут к взаимодействию между их языками, а в нашу эпоху эти контакты во всем мире становятся все шире и интенсивнее. Во всех языках неуклонно растет фонд интернационализмов. В нем отражается единство человеческой цивилизации, творимой трудом многих народов и воплощающей коллективный исторический опыт человечества.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дакохова М. Г. — Англоязычные заимствования в русском языке (XIX–XX вв.) Автореф. дисс.... канд. филол. наук. — Пятигорск, 1998. — 22 с.
2. Блумфилд Л. Язык. — М.: Прогресс, 1968. — 607 с.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. — М., 1989. — 216 с.
4. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. — М., 2002. — Вып. 6. — С. 27–34.